

книга №1 в серии
«Журнал вампира»

Обращенная

morgan rice

Журнал вампира

Морган Райс

Обращенная

«Lukeman Literary Management Ltd»

2011

Райс М.

Обращенная / М. Райс — «Lukeman Literary Management Ltd»,
2011 — (Журнал вампира)

«Кэйтлин Пэйн всегда боялась своего первого дня в школе, особенно таких значительных событий, как встреча с новыми друзьями, новыми учителями, изучение новых коридоров. Кроме того, были события и менее значительные: получение нового шкафчика, запах нового места и его звуки. Но больше всего она боялась взглядов. Девушка чувствовала, что все в новом месте таранились на нее. А ей хотелось только анонимности. Но на это рассчитывать не стоило. Кэйтлин не понимала, почему она так бросалась в глаза. Она не была очень высокой – всего пять футов и пять дюймов, а каштановые волосы и карие глаза (а также нормальный вес) делали ее вполне обычной. Она не была красавицей, как некоторые другие девушки. Ей было 18 лет, что делало ее немного старше остальных, но этого было недостаточно для того, чтобы выделить ее из толпы...»

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Морган Райс

Обращенная

Авторское право 2011 Морган Райс

Все права защищены. Кроме случаев, разрешенных в соответствии с Законом США об авторском праве от 1976 года. Никакая часть данного издания не может быть скопирована, воспроизведена или передана в любой форме и любыми средствами, или сохранена в системе базы данных или поиска информации без предварительного разрешения автора.

Эта электронная книга лицензирована только для вашего личного пользования. Эта книга не может быть повторно продана или отдана другим лицам. Если вы хотите поделиться этой книгой с другим лицом, вам необходимо приобрести дополнительную копию для каждого получателя. Если вы читаете эту книгу, не купив ее, или она не была куплена только для вашего личного пользования, вы должны вернуть ее или приобрести свой собственный экземпляр. Спасибо за уважение к тяжелой работы этого автора.

Это художественное произведение. Имена, персонажи, предприятия, организации, места, события и происшествия являются плодом воображения автора. Любое совпадение с реальными людьми, живыми или мертвыми, является абсолютно случайным.

Jacket image Copyright RazoomGame, используется по лицензии от Shutterstock.com.

* * *

*«Как, болен Брут – и для леченья бродит
Полудет и впитывает сырость
Туманного рассвета? Болен Брут –
И, крадучись, постель он покидает,
Чтоб подвергаться злой заразе ночи?»*

Уильям Шекспир «Юлий Цезарь»

Глава первая

Кэйтлин Пэйн всегда боялась своего первого дня в школе, особенно таких значительных событий, как встреча с новыми друзьями, новыми учителями, изучение новых коридоров. Кроме того, были события и менее значительные: получение нового шкафчика, запах нового места и его звуки. Но больше всего она боялась взглядов. Девушка чувствовала, что все в новом месте таранились на нее. А ей хотелось только анонимности. Но на это рассчитывать не стоило.

Кэйтлин не понимала, почему она так бросалась в глаза. Она не была очень высокой – всего пять футов и пять дюймов, а каштановые волосы и карие глаза (а также нормальный вес) делали ее вполне обычной. Она не была красавицей, как некоторые другие девушки. Ей было 18 лет, что делало ее немного старше остальных, но этого было недостаточно для того, чтобы выделить ее из толпы.

Но было что-то еще, что заставляло людей задержать свой взгляд на ней. Глубоко внутри Кэйтлин знала, что она – другая, хотя и не была уверена, каким образом.

Если и было нечто худшее, чем первый день, так это появление в школе в середине семестра, когда у всех остальных уже было время подружиться. Сегодня, этот первый день в середине марта станет одним из самых ужасных. Она уже это предчувствовала.

Хотя даже в своих самых безумных фантазиях Кэйтлин и представить себе не могла, что он будет *настолько* плохим. Ничто из того, что ей приходилось видеть – а видела она многое – не подготовило ее к этому.

Кэйтлин стояла в новом школьном дворе – огромной нью-йоркской государственной школы – морозным мартовским утром и задавалась вопросом «*Почему я?*» Она была скромно одета – на ней были свитер и леггинсы – и даже наполовину не была готова к шумному хаосу, который приветствовал ее. Сотни учеников галдели, кричали и толкали друг друга. Ей показалось, что она оказалась в тюремном дворе.

Было слишком шумно. Эти дети смеялись чересчур громко, ругались слишком много и толкали друг друга слишком сильно. Если бы Кэйтлин не заметила улыбки и насмешливый смех, она могла бы ручаться, что это огромная драка. У них просто было слишком много энергии, а она, уставшая, замерзшая, невыспавшаяся, не понимала этого источника. Она закрыла глаза и пожелала, чтобы все это исчезло.

Кэйтлин дотронулась до своего кармана и нащупала что-то – свой ipod. *Да.* Она всунула наушники в уши и включила музыку. Ей просто необходимо все это заглушить.

Но ничего не произошло. Бросив взгляд на свой телефон, она увидела, что он разряжен. *Отлично.*

Она проверила телефон в надежде отвлечься хоть на что-нибудь. *Новых сообщений нет.*

Девушка подняла глаза. Глядя на море новых лиц, Кэйтлин почувствовала себя одинокой.

Не только потому, что Кэйтлин была единственной белой девушкой – вообще-то это ей даже нравилось. Некоторые из ее близких друзей в другой школе были темнокожими, испанцами, азиатами, индийцами, а кое-кто из самых злейших врагов – белыми. Нет, дело было не в этом. Она чувствовала себя одинокой, потому что это был город. Прозвенел громкий зуммер, признавший ее в этой «рекреационной зоне», и ей пришлось пройти через большие металлические ворота. Теперь она была загнана в угол – в клетке с массивными металлическими воротами, увенчанными колючей проволокой. Девушке показалось, что она попала в тюрьму.

Когда она посмотрела на огромную школу, на решетки на окнах, ей не стало лучше. Она всегда легко адаптировалась к новым школам – большим или маленьким – но все они находились в пригороде. Там были трава, деревья и небо. А здесь не было ничего, кроме города. Кэйтлин стало трудно дышать. Это напугало ее.

Прозвучал очередной громкий зуммер, после чего она шагнула в сторону с сотней учеников, по направлению к входу. Какая-то огромная девушка грубо толкнула ее и Кэйтлин уронила свой журнал. Она подняла его (отчего ее волосы пришли в беспорядок), после чего подняла глаза, чтобы посмотреть, извинится ли та. Но девушки, которая ее толкнула, уже нигде не было видно – она уже смешалась с толпой. Кэйтлин услышала смех, но не знала, был ли он адресован ей.

Она схватилась за свой журнал – то единственное, что поддерживало ее. Он повсюду был с ней. Кэйтлин делала там записи и рисунки в каждом месте, куда бы ни пошла. Это была дорожная карта ее детства.

Наконец, она подошла к входу и вынуждена была втиснуться в толпу, чтобы пройти. Ей показалось, что она заходит в поезд в час пик. Кэйтлин надеялась, что внутри тепло, но открытая дверь позади нее сохранила сильный ветер, дующий ей в спину, заставляя ее чувствовать себя еще хуже.

У входа стояли два огромных охранника в окружении двух нью-йоркских полицейских в униформе и при оружии.

«ПРОХОДИТЕ!» – приказал один из них.

Кэйтлин не могла понять, почему для охраны входа в среднюю школу требуются два вооруженных полицейских.

Ее чувство страха возросло. Ей стало еще хуже, когда она подняла глаза и увидела, что ей предстоит пройти через металлический детектор для безопасности – наподобие тех, что они видела в аэропорту.

По каждую сторону от детектора стояло еще четыре вооруженных полицейских, кроме двух других охранников.

«ВЫНЬТЕ ВСЕ ИЗ КАРМАНОВ!» – прогремел один из охранников.

Кэйтлин заметила, что другие школьники наполняли пластиковые контейнеры содержимым своих карманов. Она быстро сделала то же самое, выкладывая свой ipod, кошелек, ключи.

Она прошла через детектор, когда сработал сигнал.

«ТЫ!» – окрикнул ее охранник. – «В сторону!»

Ну, разумеется.

Все школьники уставились на Кэйтлин, когда ее заставили поднять руки. Охранник пробежал ручным сканером вверх и вниз по ее телу.

«Есть ли на тебе какие-нибудь украшения?»

Она потрогала свои запястья, затем вырез и вдруг вспомнила. Ее крестик.

«Сними его», – приказал охранник.

Это было ожерелье, данное Кэйтлин бабушкой перед ее смертью – маленький серебряный крестик, на котором была выгравирована надпись на латыни, которую девушка никогда не переводила. Бабушка сказала ей, что получила его от своей бабушки. Кэйтлин не была религиозна и на самом деле никогда не понимала, что все это означает, но она знала – ему сотни лет. Безусловно, это была самая ценная вещь, которой она владела.

Кэйтлин вынула крестик из-за пазухи, но не сняла его.

«Не буду», – ответила она.

Охранник бросил на нее ледяной взгляд.

Внезапно возник шум. Раздался крик, когда один из полицейских схватил высокого школьника и прижал его к стене, вынимая небольшой нож из его кармана.

Когда охранник бросился помогать, Кэйтлин воспользовалась этой возможностью скрыться в толпе, направляющейся по коридору.

«Добро пожаловать в нью-йоркскую государственную школу», – подумала девушка. – «Отлично».

Она уже считала дни до выпускного.

* * *

Это были самые широкие коридоры, которые Кэйтлин когда-либо видела. Она не могла представить, что их вообще можно наполнить, но, тем не менее, здесь толпились школьники плечом к плечу. В этих коридорах, должно быть, были тысячи детей – просто море лиц, тянувшееся бесконечно. Шум здесь был даже громче, он отражался от стен, сгущаясь. Ей захотелось закрыть уши, но в коридоре не было места даже для того, чтобы поднять свои руки. Она почувствовала приступ клаустрофобии.

Прозвеневший звонок привел к еще большему движению.

Уже поздно.

Кэйтлин снова пристально посмотрела на свою классную карточку и, наконец, заметила вдалеке нужный класс. Она попыталась сократить свой путь через море тел, но ей это не удалось. В конце концов, после нескольких попыток она поняла, что ей просто нужно стать настойчивой. Девушка начала толкать школьников локтями – по одному школьнику за раз. Кэйтлин удалось пробраться через толпу, через широкий коридор. Толкнув тяжелую дверь, она оказалась в классной комнате.

Кэйтлин собралась с духом и подготовилась к тому, что все взгляды обратятся на нее, новенькую, стоит ей войти последней. Она представила, как учитель станет ругать ее за то, что она нарушила тишину класса. Но Кэйтлин была поражена, обнаружив, что ошиблась. Класс, предназначенный для 30 школьников, но вместивший 50, был переполнен. Некоторые школьники сидели на своих местах, другие ходили по рядам, крича друг на друга. Здесь царил погром.

Звонок прозвенел пять минут назад, но, тем не менее, учитель – растрепанный человек в помятом костюме – еще даже не начал урок. На самом деле он забрался с ногами на стол и читал газету, игнорируя всех и каждого.

Кэйтлин подошла к нему и положила свою новую карточку с удостоверением личности на стол. Она стояла там, ожидая, что он поднимет глаза, но он этого не сделал.

Наконец, девушка прокашлялась.

«Прошу прощения».

Учитель неохотно опустил газету.

«Меня зовут Кэйтлин Пэйн. Я новенькая. Думаю, я должна отдать Вам это».

«Я всего лишь заместитель», – ответил он и снова взялся за свою газету, отгородившись от нее.

Она стояла в замешательстве.

«То есть... Вы не проверяете посещаемость?» – спросила девушка.

«Ваш учитель вернется в понедельник», – отрезал он. – «Он с этим разберется».

Понимая, что разговор окончен, Кэйтлин забрала свое удостоверение личности.

Она развернулась и встретилась лицом к лицу с одноклассниками. Хаос не прекратился. Если и была какая-то спасительная сила, то, по крайней мере, на нее не обратили внимания. Казалось, что никому нет никакого дела до Кэйтлин или же одноклассники просто не заметили ее.

С другой стороны, пристальное рассматривание переполненного класса было нервующим – казалось, что свободных мест нет вообще.

Кэйтлин собралась с духом и, прижимая в груди свой журнал, осторожно пошла по одному из проходов. Проходя между шумевшими одноклассниками, которые кричали друг на друга, она несколько раз вздрогнула. Дойдя до конца, она, наконец, сумела увидеть весь класс целиком.

Ни одного свободного места.

Она стояла, чувствуя себя по-идиотски – другие школьники начали ее замечать. Кэйтлин не знала, что делать. Разумеется, она не собиралась стоять там весь урок, но заместителя учителя, казалось, это вообще не волновало. Она обернулась и снова тщательно смотрела класс, чувствуя себя беспомощной.

Девушка услышала смех, раздавшийся в нескольких проходах от нее, и была уверена, что он адресован ей. Она была одета не так, как другие одноклассники, и заметно отличалась от них. Ее щеки залила краска, когда она начала чувствовать, что на самом деле бросается в глаза.

И когда Кэйтлин уже была готова выйти из класса и, возможно, даже из школы, она услышала голос.

«Здесь».

Девушка обернулась.

В последнем ряду, возле окна, из-за своей парты встал высокий парень.

«Садись», – сказал он. – «Пожалуйста».

В классе стало тише – одноклассники хотели посмотреть на ее реакцию.

Кэйтлин подошла к нему, стараясь не смотреть в его глаза – огромные светящиеся зеленые глаза – но ничего не могла с собой поделать.

Он был великолепен. У него была гладкая оливковая кожа – она не смогла бы сказать, был ли он темнокожим, испанцем, белым или метисом. Но Кэйтлин никогда раньше не видела такую гладкую и мягкую кожу, дополняющую точеную линию подбородка. Его карие волосы были короткими, а сам он был худым. Было в нем что-то, что делало его присутствие здесь неуместным. Он казался хрупким. Возможно, художник.

Это было так не похоже на Кэйтлин – быть настолько пораженной парнем. Ей доводилось видеть прежде, как влюблялись ее подруги, но в действительности она никогда этого не понимала. До сегодняшнего дня.

«А где *ты* будешь сидеть?» – спросила она.

Девушка пыталась контролировать свой голос, но он звучал неубедительно. Она надеялась, что он не поймет, как она нервничает.

Он широко улыбнулся, обнажая идеальные зубы.

«Прямо здесь», – сказал он и подошел к огромному подоконнику – всего в нескольких футах от парты.

Она посмотрела на него и он ответил на ее взгляд – их глаза встретились. Кэйтлин приказала себе отвести взгляд, но не смогла.

«Спасибо», – сказала она, тут же разозлившись на саму себя.

«Спасибо? Это все, что ты можешь сказать? Спасибо?»

«Верно, Барак!» – раздался голос. – «Отдай этой милой белой девушке свое место!»

Одноклассники рассмеялись, после чего в классе снова начался шум. Все вновь потеряли к ним свой интерес.

Кэйтлин увидела, что он опустил голову, смутившись.

«Барак?» – спросила он. – «Это твое имя?»

«Нет», – ответил он, краснея. – «Они просто так меня называют. Как Обаму. Они считают, что я на него похож».

Кэйтлин присмотрелась и поняла, что он действительно похож на него.

«Это из-за того, что я наполовину черный, а наполовину белый, и еще частично пуэрто-риканец».

«Ну, что ж, я полагаю, что это комплимент», – сказала она.

«Они считают по-другому», – ответил парень.

Она наблюдала за ним, когда он сел на подоконник – его уверенность исчезла. Кэйтлин могла бы ругаться в том, что он чувствительный. Даже ранимый. Он не принадлежал к этой группе ребят. Это было безумием, но Кэйтлин хотелось его защитить.

«Меня зовут Кэйтлин», – произнесла она, протягивая руку и глядя ему в глаза.

Он удивленно посмотрел на нее – на его губах вновь заиграла улыбка.

«Джона», – представился он.

Его рукопожатие было крепким. Покалывающее ощущение пробежало по ее руке, когда она почувствовала, как его гладкая кожа коснулась ее руки. Кэйтлин почувствовала, что растворяется в нем. Он задержал ее руку в своей на секунду дольше, и она не могла не улыбнуться в ответ.

* * *

Остаток утра прошел как в тумане. Ко времени, когда Кэйтлин добралась до столовой, она была голодна. Девушка открыла двойные двери и была поражена тем, насколько огромным был представший перед ней зал. Из-за невероятного шума здесь, казалось, находились тысячи школьников – все кричали. Помещение напоминало спортзал. Кроме того, через каждые двадцать футов, в проходах, стоял другой охранник, внимательно наблюдавший за происходящим.

Как обычно, Кэйтлин и понятия не имела, куда идти. Она осмотрела огромный зал, пока, наконец, не увидела стопку подносов. Она взяла один и вошла туда, что она посчитала очередью за едой.

«Не лезь впереди меня, стерва!»

Обернувшись, Кэйтлин увидела огромную полную девушку, на полфута выше нее, глаза которой метали молнии.

«Прошу прощения, я не знала...»

«Очередь там!» – крикнула другая девочка, тыча в нее большой палец.

Кэйтлин увидела, что очередь позади нее состояла, по крайней мере, из сотни школьников. Ей показалось, что придется ждать минут двадцать.

Когда она начала пробираться к очереди, один школьник в очереди толкнул другого и тот налетел на Кэйтлин, больно приземлившись на пол.

Первый школьник прыгнул на второго и начал колотить его по лицу.

Столовая взорвалась ревом возбуждения, когда вокруг собрались дюжины ребят.

«БЕЙ! БЕЙ!»

Кэйтлин сделала несколько шагов назад, в ужасе наблюдая сцену насилия у своих ног.

Наконец, четыре охранника подошли и начали разнимать двух окровавленных школьников. Казалось, что они не торопятся.

После того, как Кэйтлин, наконец, получила свою еду, она пристально осмотрела помещение в надежде увидеть Джону. Но его нигде не было.

Она пошла по рядам, проходя мимо столов – все места были заняты другими школьниками. Было несколько свободных мест, но они не манили ее присесть, поскольку примыкали к большим группам друзей.

В конце концов, она села за свободным столом позади. В дальнем конце стола сидел только один школьник – невысокий хилый китаец с брекетами, плохо одетый. Он опустил голову, сосредоточившись на своей еде.

Кэйтлин почувствовала себя одиноко. Она посмотрела вниз и проверила свой телефон. На Facebook пришло несколько сообщений от друзей из ее последнего города. Они хотели знать, понравилось ли ей в новом месте. Но ей почему-то не хотелось отвечать. Теперь они стали такими далекими.

Кэйтлин едва кусок лез в горло – смутное чувство тошноты из-за первого дня в школе все еще не покидало ее. Она попыталась изменить ход своих мыслей. Девушка закрыла глаза. Она подумала о своей новой квартире на пятом этаже в грязном здании без лифта на 132-й

улице. Приступ тошноты усилился. Она сделала глубокий вдох, желая сконцентрироваться на чем-то хорошем в своей жизни.

Ее маленький брат. Сэм. Четырнадцатилетний братишка, который вел себя, словно ему двадцать. Казалось, Сэм не помнил, что он был самым младшим и всегда вел себя как ее старший брат. Он вырос сильным и мужал от всего того, что происходило в их жизни – от ухода их отца, от того, как мать относилась к ним обоим. Кэйтлин видела, как это влияло на него, видела, что он начал замыкаться в себе. Его частые школьные драки не удивляли ее. Девушка боялась, что может стать еще хуже.

Но что касалось самой Кэйтлин, Сэм ее обожал. А она любила его. Он был единственным чем-то постоянным в ее жизни, единственным, на кого она могла положиться. Казалось, что в его душе осталось теплое местечко только для нее одной. Кэйтлин была полна решимости сделать все возможное, чтобы защитить брата.

«Кэйтлин?»

Она подпрыгнула.

Над ней стоял Джона с подносом в одной руке и со скрипкой – в другой.

«Не возражаешь, если я присоединюсь к тебе?»

«Да. То есть, нет», – взволнованно ответила она.

«Дура», – подумала девушка. – «Прекрати нервничать».

На губах Джоны мелькнула улыбка, когда он сел напротив нее. Бережно поставив свою скрипку рядом с собой, он сидел прямо – его осанка была идеальной. Джона осторожно выложил свою еду. Было в нем что-то такое, чего Кэйтлин не могла понять. Он был не похож ни на кого из тех, кого ей приходилось встречать. Казалось, что он из другой эпохи. Парень определенно не принадлежал этому месту.

«Как твой первый день?» – спросил Джона.

«Не так, как я ожидала».

«Я знаю, что ты имеешь в виду», – сказал он.

«Это скрипка?»

Она кивнула на его инструмент. Джона прижал скрипку поближе к себе и положил на нее одну руку, словно опасался, что кто-то может ее украсть.

«Вообще-то это виола. Она всего лишь немного меньше по размеру, но звучит совершенно по-другому. Мягче».

Кэйтлин никогда не видела виолу и надеялась, что он поставит ее на стол и покажет ей. Но Джона даже не пошевелился, а ей не хотелось любопытствовать. Его рука все еще находилась на инструменте – казалось, что он защищает его, словно он был чем-то личным.

«Ты много занимаешься?»

Джона пожал плечами.

«Несколько часов в день», – небрежно произнес он.

«Несколько часов?! Должно быть, ты прекрасно играешь!»

Он снова пожал плечами.

«Полагаю, что нормально. Есть много музыкантов гораздо лучше меня. Но я надеюсь, что это мой билет отсюда».

«Я всегда хотела играть на пианино», – поделилась Кэйтлин.

«Так почему не играешь?»

Она уже собиралась сказать «У меня его никогда не было», но остановила себя. Вместо ответа она пожалала плечами и снова посмотрела на свою еду.

«Тебе не нужно иметь пианино», – произнес Джона.

Кэйтлин подняла глаза, поразившись тому, что он прочитал ее мысли.

«В этой школе есть репетиционный зал. Среди всего плохого здесь есть, по крайней мере, что-то хорошее. Там ты получишь бесплатные уроки. Все, что тебе нужно, так это зарегистрироваться».

Кэйтлин широко открыла глаза.

«Правда?»

«Перед музыкальной комнатой есть регистрационный бланк. Попроси миссис Леннокс. Скажи ей, что ты – мой друг».

Друг. Кэйтлин понравилось, как прозвучало это слово. Она почувствовала, как внутри нее медленно зарождается счастье.

Девушка широко улыбнулась. Их глаза встретились на минуту.

Глядя в его светящиеся зеленые глаза, она сгорала от желания задать ему миллион вопросов: *Есть ли у тебя девушка? Почему ты такой милый? Я действительно нравлюсь тебе?*

Но вместо этого она прикусила свой язык и ничего не произнесла.

Опасаясь того, что их совместное времяпрепровождение быстро закончится, Кэйтлин пыталась придумать какой-то вопрос, который продлил бы их разговор. Она пыталась выдумать что-то, что обеспечило бы ей новую встречу с Джоной. Но, нервничая, она застыла.

Наконец, Кэйтлин открыла рот, чтобы задать вопрос, но в этот момент прозвенел звонок.

В столовой снова стало шумно и она пришла в движение. Джона поднялся, хватая свою виолу.

«Я опаздываю», – сказал он, подхватив свой поднос.

Джона бросил взгляд на ее поднос и спросил: «Взять твой?»

Она посмотрела вниз, понимая, что забыла о нем и покачала головой.

«Ладно», – сказал он.

Джона стоял, внезапно засмутившись, не зная, что сказать.

«Ну... увидимся».

«Увидимся», – неуверенно ответила Кэйтлин почти что шепотом.

* * *

Когда ее первый день в школе подошел к концу, Кэйтлин вышла из здания в солнечный мартовский день. Дул сильный ветер, но она больше не чувствовала холода. Хотя все школьники вокруг нее кричали, выбегая из школы, шум ее больше не беспокоил. Девушка чувствовала себя живой и свободной. Остаток дня прошел как в тумане. Она даже не запомнила новых учителей. Кэйтлин не могла перестать думать о Джоне.

Она задавалась вопросом о том, не повела ли она себя как идиотка в столовой. Кэйтлин запинаясь и едва ли задала ему какие-либо вопросы. Все, что она спросила его, касалось этой дурацкой виолы. Ей следовало бы спросить его, где он живет, откуда он, где собирается учиться.

Больше всего ей хотелось знать, есть ли у Джоны девушка. Кто-то вроде него наверняка не может быть одинок.

В этот самый момент красивая хорошо одетая испанка задела Кэйтлин. Кэйтлин окинула ее взглядом, когда она проходила мимо, и задала себе вопрос – а не она ли девушка Джоны.

Она повернула на 134-ую улицу и на мгновение забыла, куда идет. Она никогда раньше не шла домой из школы и на минуту девушка забыла, где находится ее новая квартира. Она стояла на углу, дезориентированная. Тучи заслонили солнце, поднялся сильный ветер. Внезапно ей снова стало холодно.

«Эй, *amiga!*»

Обернувшись, Кэйтлин осознала, что стоит перед грязным угловым винным погребом. Возле него сидело четверо потрепанных мужчин на пластиковых стульях. Не обращая внимания на холод, они улыбались ей так, словно она была их следующим блюдом.

«Иди сюда, детка!» – крикнул другой.

И тут она вспомнила.

132-ая улица. Вот и все.

Кэйтлин быстро развернулась и быстро пошла вниз на другую сторону улицы. Она несколько раз смотрела через плечо, проверяя, не преследуют ли ее те мужчины. К счастью, они за ней не пошли.

Холодный ветер колот ее щеки, пробуждая ее, когда начала проявляться суровая реальность ее нового района. Она оглянулась на брошенные автомобили, на стены, разукрашенные граффити, колючую проволоку, решетки на окнах и внезапно почувствовала себя очень одинокой. И очень напуганной.

До ее новой квартиры оставалось только 3 квартала, но Кэйтлин казалось, что от квартиры ее разделяет целая жизнь. Ей захотелось, чтобы рядом с ней был друг – а еще лучше, Джона. Она не была уверена в том, что сможет ходить здесь одна каждый день. И снова она разозлилась на свою мать. Как та могла продолжать переезжать, заставляя ее останавливаться в местах, которые она ненавидела? Когда же это закончится?

Разбитое стекло.

Сердце Кэйтлин забило сильнее, когда она увидела, что слева, на другой стороне улицы, началось какое-то движение. Она пошла быстрее и попыталась пониже опустить голову. Подходя ближе, она услышала крики и смех. Кэйтлин не могла не заметить, что происходит.

Четверо огромных парней – им было лет 18 или, может быть, 19 – стояли над другим парнишкой. Двое из них держали его руки, в то время как третий сделал шаг вперед и ударил его в живот, а четвертый подошел и нанес удар в лицо. Парень – на вид ему было семнадцать лет, высокий, худой и беззащитный – рухнул на землю. Двое парней подошли к нему и пнули его ногой в лицо.

Кэйтлин не смогла справиться с собой – она остановилась и уставилась на них. Девушка была в ужасе. Никогда прежде ей не приходилось видеть ничего подобного.

Двое других парней обошли свою жертву, после чего подняли свои сапоги вверх и опустили их на него. Кэйтлин испугалась, что они забьют бедолагу до смерти.

«НЕТ!» – выкрикнула она.

Раздался ужасающий хруст, когда они опустили свои ноги.

Но это не был звук сломанной кости – скорее, это был звук сломанной древесины. Хруст дерева. Кэйтлин увидела, что они крушили небольшой музыкальный инструмент. Она приоткрыла рот и увидела щепки от виолы, разбросанные по всему тротуару.

Она в ужасе подняла свою руку ко рту.

«Джона?!»

Не думая, Кэйтлин пересекла улицу и побежала прямо к группе парней, которые теперь заметили ее.

Они посмотрели на нее и злобные улыбки на их лицах стали шире, когда они стали подталкивать друг друга локтями.

Кэйтлин направилась прямо к их жертве и увидела, что это на самом деле был Джона. Его покрытое синяками лицо кровоточило. Он был без сознания.

Кэйтлин посмотрела на группу парней. Ее злость пересилила страх, когда она встала между Джоной и ними.

«Оставьте его в покое!» – крикнула она парням.

Парень посередине – как минимум, 190 сантиметров, мускулистый – рассмеялся.

«Или что?» – спросил он очень глубоким голосом.

Кэйтлин почувствовала, как мир завертелся перед ее глазами. Она осознала, что ее только что толкнули сзади. Девушка подняла локти, падая на асфальт, но они не смягчили ее падение. Краем глаза она увидела, что ее журнал взлетел – его листы рассыпались повсюду. Кэйтлин услышала смех, а после шаги приближающихся к ней ног.

Сердце в ее груди бешено колотилось, адреналин в крови подскочил. Ей удалось откатиться в сторону и подняться на ноги прежде, чем они добрались до нее. Она помчалась вниз по переулку так быстро, как только могла.

Они преследовали ее, держась поблизости.

В одной из ее многочисленных школ – в той, в которой, как ей казалось, у нее было долгое будущее, она занималась бегом и знала, что у нее хорошо получается. На самом деле она была лучшей в команде. Она бегала не на длинные дистанции, а стометровку. Ей даже удавалось обогнать большинство парней. И теперь этот навык к ней вернулся.

Кэйтлин бежала так быстро, как никогда в жизни и парни не могли ее догнать.

Оглянувшись и увидев, что они были далеко позади нее, девушка почувствовала прилив оптимизма, поверив, что сможет обогнать их всех. Ей всего лишь нужно сделать несколько правильных поворотов.

Когда переулок закончился, ей предстояло повернуть либо налево, либо направо. У Кэйтлин не будет времени изменить свое решение, если ей понадобится и впредь убежать от своих преследователей, так что ей быстро нужно сделать выбор. Хотя Кэйтлин не видела, что находится за каждым углом, она повернула налево наугад.

Девушка молилась о том, чтобы ее выбор оказался верным. *Ну, давай же. Пожалуйста!*

Ее сердце остановилось, когда, сделав крутой поворот налево, Кэйтлин увидела перед собой тупик.

Неверный шаг.

Тупик. Она подбежала прямо к стене, тщательно высматривая выход, хоть какой-нибудь выход. Понимая, что никакого выхода отсюда нет, она обернулась, чтобы встретиться лицом к лицу со своими преследователями.

Задыхаясь, Кэйтлин наблюдала за тем, как они поворачивают за угол, приближаясь.

Через их плечи она видела, что если бы повернула направо, то беспрепятственно побежала бы домой. Ну, конечно, не с ее удачей.

«Ну все, стерва», – сказал один из парней. – «Теперь тебе придется страдать».

Понимая, что выхода у нее нет, они медленно направились к ней, тяжело дыша, ухмыляясь и предвкушая насилие, которое они намеревались над ней совершить.

Кэйтлин закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Она попыталась силой мысли заставить Джону очнуться, появиться за углом бодрым и всесильным, готовым спасти ее. Но, открыв глаза, она увидела, что его здесь нет. Перед ней были только ее преследователи. И они приближались.

Кэйтлин подумала о своей матери, о том, как она ее ненавидит, обо всех тех местах, где она была вынуждена жить. Она подумала о своем брате Сэме, о том, какой будет ее жизнь после этого дня.

Девушка подумала обо всей своей жизни, о том, как все с ней обращались, о том, что никто не понимал ее, о том, что никогда не выходило так, как она хочет. И что-то щелкнуло. Она вдруг почувствовала, что с нее хватит.

Я не заслуживаю этого. Я НЕ заслуживаю этого!

И тут внезапно она ощутила это.

Это была волна – нечто, что ей никогда не приходилось испытывать раньше. Это была волна ярости, накатившая на нее, омывая ее кровь. Она сосредоточилась у нее в животе и распространилась оттуда. Кэйтлин почувствовала, что ее ступни приросли к земле, словно она и асфальт стали одним целым, а затем ощутила, как на нее снисходит первобытная сила, которая

прошла через ее запястья, руки и направились в ее плечи. Кэйтлин издала первобытный рев, что удивило и напугало даже ее. Когда первый парень подошел к ней и положил свою мускулистую руку ей на запястье, она наблюдала за тем, как ее рука отреагировала сама по себе, хватая нападавшего за запястье и скручивая его под прямым углом. Лицо парня исказилось от шока, когда его запястье, а потом и рука, раздробилось на две части.

Он упал на колени, закричав.

Глаза трех других парней широко распахнулись от удивления.

Самый крупный из них набросился прямо на нее.

«Ах ты...»

Еще до того, как он закончил фразу, Кэйтлин подпрыгнула в воздухе и ударила его в грудь обеими своими ступнями, отбросив его назад на десять футов. Он приземлился на кучу металлических мусорных баков.

Парень лежал, не шевелясь.

Двое других пораженных парней смотрели друг на друга. Они действительно были напуганы.

Кэйтлин сделала шаг вперед, чувствуя, как через ее тело проходит нечеловеческая сила. Она услышала свой собственный рев, поднимая двух парней (каждый из них был вдвое больше нее) на несколько футов над землей одной рукой.

Когда они болтались в воздухе, она швырнула их и, покачнувшись, они врезались друг в друга с невероятной силой, после чего оба рухнули на землю.

Кэйтлин стояла, тяжело дыша, с пеной от злости.

Ни один из четверых нападавших не шевелился.

Она не почувствовала облегчения. Наоборот, ей хотелось больше – больше парней для борьбы, больше тел, чтобы швырять.

И ей хотелось чего-то еще.

У нее вдруг появилась кристально чистое видение. Девушка смогла увидеть увеличенное изображение их незащищенных шей. Кэйтлин видела с того места, на котором стояла, вплоть до десяти дюймов, как на шее каждого пульсировали вены. Ей захотелось укусить. Наестся.

Не понимая, что с ней происходит, Кэйтлин откинула голову назад и издала неземной крик, который эхом пронесся мимо зданий и квартала. Это был первобытный крик победы и неосуществленной ярости.

Это был крик животного, которому хотелось большего.

Глава вторая

Кэйтлин стояла перед дверью в свою новую квартиру, уставившись на нее, когда вдруг поняла, где находится. Она понятия не имела, как сюда добралась. Последнее, что девушка помнила, так это то, что она была в переулке. Каким-то образом она вернулась домой.

Хотя Кэйтлин помнила каждую секунду того, что произошло в переулке. Она попыталась стереть это из своей памяти, но не смогла. Она посмотрела на свои руки и ладони, ожидая, что они выглядят по-другому, но они были нормальными – такими, как обычно. Ярость прошла через нее, меняя девушку, а после так же быстро исчезла.

Но последствия давали о себе знать – она чувствовала себя опустошенной, онемелой. Кэйтлин чувствовала что-то еще, но не могла этого понять. В ее голове мелькали образы – образы тех обнаженных шей хулиганов. Их пульсирующие сердцебиения. И она почувствовала голод. Сильный голод.

На самом деле Кэйтлин не хотелось возвращаться домой. Она не хотела встречаться со своей матерью, особенно сегодня, не хотела заходить в новое место, наполненное нераспакованными коробками. Если бы здесь не было Сэма, она бы просто развернулась и ушла. Девушка понятия не имела, куда бы она пошла, но, по крайней мере, подальше отсюда.

Она сделала глубокий вдох, протянула руку и положила ее на дверную ручку. Или дверная ручка была теплой, или же ее рука была холодной, как лед.

Кэйтлин вошла в слишком яркую квартиру. Она почувствовала запах еды на плите – или, вероятно, в микроволновой печи. Сэм. Он всегда приходит домой рано и готовит себе обед. Ее матери не будет дома еще несколько часов.

«Это не выглядит как хороший первый день».

Кэйтлин обернулась, пораженная звуком маминого голоса. Она сидела на диване и курила сигарету, презрительно оглядывая дочь с головы до ног.

«Что ты уже сделала, чтобы испортить этот свитер?»

Кэйтлин опустила глаза и впервые заметила грязные пятна – вероятно, от падения на асфальт.

«Почему ты дома так рано?» – спросила Кэйтлин.

«Это и для меня первый день, знаешь ли», – отрезала мать. – «Ты не единственная. Легкая нагрузка. Босс отправил меня домой рано».

Кэйтлин не могла принять скверный тон ее матери. Не этим вечером. Мать всегда была раздражительной с ней, но сегодня с девушки было довольно. Она решила отплатить ей той же монетой.

«Отлично», – огрызнулась Кэйтлин. – «Уж не означает ли это то, что мы снова переезжаем?»

Внезапно ее мать вскочила на ноги. «Следи за своим языком!» – крикнула она.

Кэйтлин знала, что ее матери всего лишь требовалась причина, чтобы накричать на нее. Она поняла, что это лучшая приманка, чтобы покончить с этим.

«Ты не должна курить рядом с Сэмом», – холодно ответила Кэйтлин, после чего вошла в крошечную спальню и хлопнула дверью за собой, закрывая ее на замок.

Ее мать тут же начала тарбанить в дверь.

«Выходи оттуда, ты маленькое отродье! Как ты разговариваешь со своей матерью?! Кто тебя кормит...»

Рассеянность Кэйтлин этим вечером была такой сильной, что смогла заглушить голос ее матери. Вместо этого она воспроизвела в своей голове события сегодняшнего дня: звук смеха тех парней, звук ее собственного сердца, стучавшего в ее ушах, звук ее собственного рева.

Что именно произошло? Откуда у нее появилась эта сила? Был ли это всего лишь выброс адреналина? Часть ее хотела, чтобы именно так и было, но другая часть знала, что дело не в этом. Кто же она?

Стук в ее дверь продолжался, но Кэйтлин едва ли слышала его. Ее мобильный телефон, который лежал на столе, неистово вибрировал, высвечивая сообщения, чаты в Facebook, IMs, но она и на это не обращала внимания.

Кэйтлин подошла к крошечному окошку и выглянула вниз на Амстердам авеню – и тут новый звук возник в ее голове. Это был звук голоса Джоны. Видение его улыбки. Низкий, глубокий, успокаивающий голос. Она вспомнила, каким нежным он был, каким ранимым казался. А после она увидела его лежащим на земле – окровавленного, рядом со своим драгоценным инструментом, разбитым вдребезги. Новая волна гнева накатила на нее.

Ее гнев перешел в беспокойство – беспокойство о том, в порядке ли он, смог ли он уйти, добрался ли домой. Она представила, что он зовет ее. Кэйтлин. *Кэйтлин.*

«Кэйтлин?»

За дверью раздался новый голос. Мужской голос.

Сбитая с толку, девушка грубо огрызнулась.

«Это Сэм. Впусти меня».

Кэйтлин подошла к двери и прислонилась к ней головой.

«Мама ушла», – произнес голос с другой стороны. – «Пошла за сигаретами. Ну же,пусти меня».

Она открыла дверь.

Сэм стоял там, оглядываясь назад – на его лице проступило беспокойство. Он выглядел старше своих пятнадцати лет. Сэм рано вырос – сейчас рост его составлял почти сто восемьдесят сантиметров, он был неуклюжим и долговязым. У Сэма были черные волосы и карие глаза – его цвет напоминал ее собственный. Брат с сестрой определенно были похожи друг на друга. Кэйтлин заметила, что он обеспокоен. Он любил ее больше всего на свете.

Она позволила брату войти, быстро закрыв за ним дверь.

«Прости», – сказала она. – «Я просто не могу разговаривать с ней сегодня».

«Что произошло с вами двумя?»

«Как обычно. Она набросилась на меня в ту же секунду, как я вошла в квартиру».

«Думаю, у нее был трудный день», – сказал Сэм, как всегда пытаюсь восстановить мир между матерью и сестрой. – «Надеюсь, ее не уволили снова».

«Кого это волнует? Нью-Йорк, Аризона, Техас... Кого волнует, что будет дальше? Наши переезды никогда не закончатся».

Сэм нахмурился, присаживаясь на стул, и Кэйтлин тут же стало нехорошо. Она была остра на язычок и иногда говорила, не думая. Ей хотелось взять свои слова обратно.

«Как твой первый день?» – спросила она, пытаюсь сменить тему.

Брат пожал плечами.

«Полагаю, что нормально».

Он ударил носком стул, на котором сидел, после чего поднял глаза и спросил:

«А твой?»

Кэйтлин пожала плечами. Должно быть, в выражении ее лица было что-то, что не давало Сэму отвести взгляд – он смотрел на нее, не отрываясь.

«Что случилось?»

«Ничего», – оборонительно произнесла она, после чего отвернулась и подошла к окну.

Кэйтлин чувствовала, что Сэм наблюдает за ней.

«Ты кажешься... другой».

Она помедлила, задаваясь вопросом, замечает ли он, отразились ли произошедшие с ней изменения как-то на ее внешности. Девушка сглотнула.

«Как?»

Тишина.

«Я не знаю», – наконец, ответил Сэм.

Кэйтлин выглянула в окно, бесцельно наблюдая за тем, как какой-то человек возле углового винного погреба всунул покупателю пакет.

«Я ненавижу это новое место», – произнес Сэм.

Она обернулась и встретила с ним лицом к лицу.

«И я».

«Я даже думал о...» – он опустил голову. – «О том, чтобы удрать».

«Что ты имеешь в виду?»

Сэм пожал плечами.

Кэйтлин посмотрела на брата – он на самом деле казался подавленным.

«Куда?» – спросила она.

«Возможно... к отцу».

«Как? Мы ведь даже не знаем, где он».

«Я мог бы попытаться. Я мог бы найти его».

«Но как?»

«Я не знаю... Но я мог бы попробовать».

«Сэм, он может уже быть мертв».

«Не говори так!» – крикнул он. Его лицо покраснело.

«Прости», – сказала Кэйтлин.

Сэм успокоился.

«Но ты когда-либо думал о том, что даже если мы найдем его, возможно, он даже не захочет нас видеть? В конце концов, он ушел. И он никогда не пытался с нами связаться».

«Может быть, мама не позволяет ему».

«Или, может быть, он просто нас не любит».

Сэм еще сильнее нахмурился, ковыряя носком пол.

«Я поискал его на Facebook».

Глаза Кэйтлин широко распахнулись от удивления.

«Ты нашел его?»

«Я не уверен. Я нашел четырех людей с его именем – две страницы были закрыты, и там не было фотографии. Я отправил сообщение обоим».

«И?»

Сэм покачал головой.

«Мне никто не ответил».

«Отец не стал бы сидеть на Facebook».

«Ты этого не знаешь», – ответил он, снова защищаясь.

Кэйтлин вздохнула, после чего подошла к кровати и легла. Она уставилась на пожелтевший потолок, шелушащуюся краску и задалась вопросом, как они все дошли до этого. Позади остались города, в которых они были счастливы. Были даже времена, когда и их мать была почти счастлива – как, например, тогда, когда она встречалась с тем парнем. По крайней мере, достаточно счастлива для того, чтобы оставить Кэйтлин в покое.

Были также города, вроде последнего, в которых они с Сэмом нашли хороших друзей, где, как им казалось, они действительно смогут остановиться – по крайней мере, достаточно долго для того, чтобы окончить школу в одном месте. А после все изменилось так быстро. Они снова паковали вещи. Снова прощались. Неужели это так много – просить нормального детства?

«Я мог бы вернуться назад в Оуквилл», – внезапно сказал Сэм, прерывая ее размышления. Их последний город. Становилось жутко от того, что он всегда знал точно, о чем она думает. – «Я мог бы остановиться у друзей».

Этот день был сложным для нее, а это уже было слишком. Кэйтлин не думала ясно и, разочарованная, она услышала, что Сэм тоже собирался бросить ее, что на самом деле ему больше не было до нее дела.

«Тогда езжай!» – внезапно вопреки своей воле огрызнулась она. Казалось, что вместо нее это сказал кто-то другой. Кэйтлин услышала резкость в собственном голосе и тут же пожалела об этом.

Почему ей просто необходимо было выпалить эти слова вот так? Почему она не может себя контролировать?

Если бы она была в лучшем настроении, если бы она была спокойнее, если на нее не свалилось бы столько всего сразу, она бы не произнесла этих слов. Или если бы Кэйтлин была чуть лучше, она сказала бы нечто вроде: «Я знаю, ты пытаешься сказать, что ты никогда бы не покинул это место – не важно, насколько оно плохое – потому что ты не оставил бы меня одну справляться со всем этим. И я люблю тебя за это. Я тоже никогда тебя не брошу. Во всем этом нашем испорченном детстве, по крайней мере, мы есть друг у друга». Но вместо этого ее настроение толкнуло ее на грубость. Вместо этого Кэйтлин вела себя эгоистично и огрызнулась.

Сидя на кровати, девушка увидела боль на лице Сэма. Ей захотелось вернуть все назад, сказать, что ей жаль, но она была слишком потрясена. По какой-то причине Кэйтлин не смогла заставить себя заговорить.

В этой тишине Сэм медленно поднялся со стула и вышел из комнаты, осторожно закрывая за собой дверь.

«Идиотка», – подумала Кэйтлин. – «Ты такая идиотка. Почему ты ведешь себя с ним так, как мать ведет себя с тобой?»

Кэйтлин легла на спину и уставилась в потолок. Она понимала, что причина ее грубости крылась в другом. Сэм прервал ее мысли и сделал это в тот момент, когда они обратились к самому худшему. Мрачная мысль пришла ей в голову, а брат прервал ее, прежде чем она смогла разрешить ее.

Бывший дружок ее матери. Три города назад. Это был единственный раз, когда ее мать действительно казалась счастливой. Фрэнк. 50 лет. Низкий, мускулистый, лысеющий. Толстый, как бревно. От него пахло дешевым одеколоном. Ей было 16 лет.

Кэйтлин находилась в крошечной прачечной и складывала свою одежду, когда в дверях появился Фрэнк. Этот мерзкий тип всегда тарасился на нее. Он нагнулся и взял пару ее нижнего белья. Кэйтлин почувствовала, как ее щеки заливают краска стыда и гнева. Фрэнк держал в руках ее белье и ухмылялся.

«Ты уронила это», – сказал он, скаля зубы. Она выхватила свои трусики из его рук.

«Чего ты хочешь?» – огрызнулась Кэйтлин.

«Разве так нужно разговаривать со своим отчимом?»

Он подошел на полшага ближе.

«Ты мне не отчим».

«Но я им буду – скоро».

Она попыталась вернуться к складыванию одежды, но Фрэнк подошел еще ближе. Слишком близко. Ее сердце бешено забилося в груди.

«Я думаю, самое время для нас познакомиться чуточку ближе», – сказал он, снимая ремень. «Ты так не думаешь?»

Кэйтлин в ужасе попыталась протиснуться мимо него и выйти в маленькую комнату, но когда она это сделала, Фрэнк преградил ей путь и, грубо схватив девушку, прижал ее спиной к стене.

Именно тогда это и произошло.

На нее снизошла ярость – ярость, подобно которой она никогда прежде не испытывала. Кэйтлин почувствовала в своем теле тепло, огонь, который прошел от макушки до кончиков пальцев. Когда Фрэнк приблизился к ней, она подпрыгнула вверх и ударила его ногами прямо в грудь.

Несмотря на то, что он был втрое больше нее, Фрэнк пролетел назад через дверь на десять футов, срывая ее с петель, пока не приземлился в соседней комнате. Казалось, что его выпалили из пушки, запустив через весь дом.

Кэйтлин стояла в прачечной, вся дрожа. Она никогда не была приверженцем насилия, никогда не била никого. Более того, она никогда не была такой сильной. Откуда она знала, как ударить его таким образом? Откуда вообще у нее взялись для этого силы? Кэйтлин никогда не видела никого – особенного взрослого мужчину – который пролетел бы в воздухе и выбил дверь. Откуда у нее эта сила?

Кэйтлин подошла к Фрэнку и встала над ним.

Нокаутированный, он лежал на спине. Она испугалась, не убила ли его. Но в эту минуту ярость снова заполнила ее и она поняла, что на самом деле ее это не волнует. Кэйтлин больше волновалась о себе самой, а том, кем – или чем – она в действительности является.

Кэйтлин больше никогда не видела Фрэнка. Он порвал с ее матерью на следующий день и больше не возвращался. Ее мать подозревала, что между ними двумя что-то произошло, но ни словом об этом не обмолвилась. Хотя она обвиняла Кэйтлин за этот разрыв, за то, что дочь испортила единственный счастливый момент в ее жизни. И с тех пор мать не переставала ее обвинять.

Кэйтлин снова посмотрела на свой шелушащийся потолок. Ее сердце колотилось снова и снова. Она подумала о сегодняшней ярости и задалась вопросом, а не связаны ли между собой эти два события. Она всегда считала историю с Фрэнком безумным единичным случаем, каким-то загадочным выбросом силы. Но ей стало любопытно – а, может, это нечто большее? Была ли в ней какая-то сила? Неужели она какой-то урод?

Кто же она?

Глава третья

Кэйтлин бежала. Хулиганы вернулись и они преследовали ее в переулке. Перед ней был тупик – огромная стена, но она продолжала бежать прямо к ней. Не останавливаясь, она набирала скорость, и здания мелькали перед ее глазами в тумане. Она чувствовала, как ветер треплет ее волосы.

Подбежав ближе, Кэйтлин прыгнула и одним прыжком взобралась на вершину стены высотой тридцать футов. Еще один прыжок – и девушка снова пролетела по воздуху тридцать футов, двадцать, приземляясь на асфальт, не теряя скорость, после чего продолжила бежать. Она чувствовала себя сильной и непобедимой. Кэйтлин прибавила скорость, после чего ей показалось, что она может летать.

Кэйтлин посмотрела вниз и перед ее глазами предстала трава, которая пришла на смену асфальту – высокая качающаяся зеленая трава. Она бежала через прерии, в глаза ей светило солнце. Кэйтлин узнала дом своего раннего детства.

Вдалеке она увидела своего отца. Пока Кэйтлин бежала, она чувствовала, что приближается к нему. Девушка увидела, что его лицо приобретает очертания. Он стоял, широко улыбаясь и раскинув руки.

Увидев его снова, Кэйтлин почувствовала боль. Она бежала изо всех сил. Но когда она подбежала ближе, ее отец отошел дальше.

Внезапно она упала.

Открылась огромная средневековая дверь и Кэйтлин вошла в церковь. Она прошла по тускло освещенному проходу, по обе стороны от нее горели факелы. Перед кафедрой стоял человек спиной к ней, преклонив колени. Когда она подошла ближе, он встал и обернулся.

Это был священник. Когда он посмотрел на Кэйтлин, его лицо исказилось от страха. Она почувствовала, как по ее венам побежала кровь. Девушка наблюдала за тем, как приближается к нему, не в силах остановиться. Нануженный священник поднес крест к ее лицу.

Кэйтлин набросилась на него. Она почувствовала, как ее зубы стали длинными, слишком длинными. Она наблюдала за тем, как они вонзились в шею священника.

Он закричал, но она не обратила на это внимания. Кэйтлин почувствовала, как его кровь побежала по ее зубам к ее венам – и это было самое восхитительное чувство на свете.

Кэйтлин выпрямилась в постели, тяжело дыша. Она осмотрелась, не понимая, где находится. Резкий утренний свет пробивался через окно.

Наконец, девушка поняла, что ей приснился сон. Она вытерла холодный пот со своих висков и села на край кровати.

Тишина. Судя по свету, Сэм и мама, должно быть, уже ушли. Она взглянула на часы и увидела, что уже на самом деле поздно – 8:15. Она опоздает в школу в свой второй день.

Отлично.

Кэйтлин удивилась тому, что Сэм не разбудил ее. За все годы он ни разу не позволил ей проспать – брат всегда будил ее, если уходил первым.

Должно быть, он все еще злился на нее за прошлый вечер.

Кэйтлин бросила взгляд на свой мобильный телефон – он был разряжен. Она забыла зарядить его, но это было к лучшему – ей не хотелось ни с кем говорить.

Девушка набросила на себя кое-какую одежду с пола и пробежала руками по волосам. Обычно Кэйтлин уходила, не позавтракав, но этим утром она испытывала жажду. Необычную жажду. Она подошла к холодильнику и схватила полгаллона красного грейпфрутового сока. Поддавшись внезапному порыву, она оторвала крышку и начала пить прямо из коробки. Она пила до тех пор, пока не выпила все до последней капли.

Кэйтлин посмотрела на пустую коробку. Неужели она только что выпила весь сок? За всю свою жизнь она не пила больше половины стакана. Девушка наблюдала за тем, как протянула руку и скомкала картонную коробку одной рукой, превращая ее в крошечный мяч. Кэйтлин не могла понять, что это за вновь обретенная сила бежала по ее венам. Это было одновременно и волнительно, и пугающе.

Она все еще испытывала жажду. И голод. Но ей хотелось не пищи. Ее вены молили о чем-то большем, но она не понимала, о чем именно.

* * *

Было странно видеть школьные коридоры такими пустыми – это была полная противоположность вчерашнему дню. Уроки уже начались, поэтому здесь не было ни души. Кэйтлин посмотрела на часы – 8:40. До ее третьего урока оставалось 15 минут. Она спрашивала себя, а стоило ли вообще идти сегодня в школу, но ей все равно некуда было пойти. Поэтому она продолжила идти по коридорам, направляясь в класс.

Кэйтлин остановилась перед классной дверью и услышала голос учителя. Она колебалась. Девушка терпеть не могла прерывать кого-то, потому что таким образом становилась заметной. Но другого выхода она не видела.

Кэйтлин сделала глубокий вдох и повернула металлическую ручку.

Когда она вошла, весь класс, включая учительницу, замер, посмотрев на нее.

Тишина.

«Мисс...» – забыв ее имя, произнесла учительница. Подойдя к ее парте, она взяла листок бумаги и внимательно его рассматривала. – «Пэйн. Новенькая. Вы опоздали на 25 минут».

Учительница – суровая пожилая женщина – смерила ее взглядом.

«Что ты должна сказать в свое оправдание?»

Кэйтлин колебалась.

«Извините?»

«Этого не достаточно. Может быть, извинения принимаются во время опоздания на урок там, откуда *ты*, но это точно неприменительно здесь».

«Неприемлемо», – поправила Кэйтлин и тут же пожалела об этом.

Неловкое молчание окутало комнату.

«*Прошу прощения?*» – медленно переспросила учительница.

«Вы сказали «неприменительно». Вы имели в виду «неприемлемо».

«ВОТ ДЕРЬМО!» – воскликнул шумный парень из задней части класса. Все одноклассники расхохотались.

Учительница покраснела.

«Ах ты, маленькая мерзавка! Объяснительную в кабинет директора прямо сейчас!»

Учительница подошла к двери и открыла ее рядом с Кэйтлин. Она стояла всего в нескольких дюймах от Кэйтлин – достаточно близко для того, чтобы девушка смогла уловить аромат ее дешевых духов. «Вон из моего класса!»

Обычно Кэйтлин просто тихо вышла бы из класса – на самом деле она никогда не начала свое знакомство с учителями с исправления их ошибок. Но что-то шевельнулось в ней – что-то, чего она до конца не понимала. Кэйтлин почувствовала, как в ней растет неповиновение. Девушке показалось, что больше ей не нужно проявлять уважение по отношению к кому-либо. И ей больше не было страшно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.